

Марина Шуккина

МИСТЕР ВОРКМАН — БЫВШИЙ ГАЗЕТЧИК, МИСТЕР ВОРКМАН — МИЛЛИОНЕР

Статья посвящена малоизвестному эпизоду творческой биографии советского детского писателя, переводчика и редактора М. А. Гершензона, а именно его переводу и переработке четырехчастного романа немецкого беллетриста Г. Доминика «Джон Воркман. Из газетчиков в миллионеры», написанного в 1909–1925 гг. Рассматривается закономерность обращения Гершензона к этому роману в контексте других его работ. Анализируются цели и результаты стратегии Гершензона-переводчика, в данном случае заключавшейся не только в тщательной редактуры, но и в серьезной переделке сюжета книги идеологически неблизкого автора. Привлекается материал одиннадцати номеров журнала «Пионер» 1927 г., в которых публикация романа «Джон Воркман» сопровождалась авангардным фотоформлением художника Г. Берендгофа. Текст М. А. Гершензона-переводчика сопоставляется как с оригинальным текстом Г. Доминика, так и с переводом Ю. Иваска (книгой «Джон Уоркман» 1933 г. эстонского русскоязычного издательства «Аргонавты»).

Ключевые слова: Г. Доминик, М. А. Гершензон, Ю. Иваск, В. Шкловский, перевод, техника, инженер, классовая борьба, пропаганда, Америка, Германия, Эстония, журнал «Пионер», конструктивизм.

В 1928 г. у Михаила Абрамовича Гершензона вышла книга «Джон Воркман» [Доминик 1928] (Рис. 1). Он работал над ней как переводчик, писатель и редактор, поскольку не просто перевел, но существенно переработал одноименный роман популярного в те годы в Европе немецкого писателя Ганса Доминика.

Марина Анатольевна Шуккина
Независимый исследователь,
Москва
missthiss22@yahoo.com

Рис. 1. Обложка издания Доминик Г. Джон Воркман / Перераб. с нем. М. А. Гершензона. М. Л.: ГИЗ, 1928

Ганс Доминик (1872–1945) — автор шестнадцати технико-фантастических романов, заслуживший, наряду со своим литературным учителем фантастом Курдом Лассвицем, звание «немецкого Жюль Верна». Этим беллетристам, умело сочетавшим фантастику с дидактикой, посвящено классическое исследование У. Б. Фишера «Империя наносит ответный удар» [Fischer 1984]. Доминика он называет «самым известным — или самым печально известным — среди немецких научных фантастов, и, конечно, самым долговечным», отмечая, что «стиль, образность и научный контент его романов гораздо примитивнее, чем у Лассвица и других, менее прославленных современников», а его «этические принципы и политические взгляды» — «он был расист и

шовинист» — настолько «одиозны», что романы имели успех при национал-социалистах [Fischer 1984, 179]. Современная оценка некогда канонизированного образа Г. Доминика дана в работе Ф. Грахови «Автор как проводник модернизации» [Hrachowy 2010].

Инженер по профессии, Г. Доминик писал также научно-популярные книги о развитии современной ему техники. В Советском Союзе его переводили и печатали до начала 1930-х гг. Помимо «Джона Воркмана» нам известно еще три советских перевода Г. Доминика. В 1924 г. в Харьковском издательстве «Космос» вышла в свет военная антиутопия «Лучи смерти: роман 1955 г.»¹ [Доминик 1924]. Хотя писатель отнюдь не симпатизировал социалистам, автор предисловия Карл Грасис² как положительную сторону романа отмечал его знакомство с политической кухней современного империализма [Грасис 1924, IV]. В 1925 г. ГИЗ опубликовал сборник Г. Доминика «В волшебном мире техники» [Доминик 1925]³, состоявший из популярных очерков об основах энергетики, о паровых машинах, водяных двигателях, телеграфе и электродвигателях; последнюю главу писатель посвятил проблеме межпланетной сигнализации. Наконец, в 1931 г. в «Молодой гвардии» был издан сборник очерков Г. Доминика «Над и под землей» [Доминик 1931]⁴, в котором рассказ шел не только о европейских и американских, но и о крупных советских стройках, таких как Днепрпрогэс. Затем имя Г. Доминика перестали упоминать в советской печати — вероятно, в связи с его симпатией нацистам.

Доминик учился в гимназии вместе с Освальдом Виллардом, сыном железнодорожного магната, позднее владельца газеты «Нью-Йорк Ивнинг Пост». Как молодой инженер Доминик ездил в командировку в США в 1894 г., а в 1897 г. целый год работал там инженером-электриком. У Виллардов он познакомился с женой Томаса Эдисона и посетил завод Эдисона в Нью-Йорке. Страна самой передовой промышленности настолько покорила будущего писателя, что он даже подумывал остаться там навсегда [Fischer 1984, 180–181]. Американский опыт пригодился ему при написании совместно с Куртом Матулло (будущим сценаристом и режиссером немецкого немого кино) первой версии романа «Джон Воркман, мальчик-газетчик» 1909 г.⁵ [Dominik, Matull 1909]. Роман вышел на немецком языке с подзаголовком «из истории американской промышленности» и успеха не имел. Лишь обретя признание на ниве фантастики, Г. Доминик вернулся к своему герою и в 1921–1925 гг. дописал еще три тома [Dominik 1925]. Эта четырехчастная версия стала популярной, роман переводили на многие языки.

Его фабула достаточно точно передана в подзаголовке: «из газетчиков в миллионеры». «Джон Воркман» — книга о реализации американской мечты, главный герой повествования — весьма юный self-made man. Уже в 1928 г. Г. Доминик печатает новый роман на близкую тему: «Клаус-счастливчик: от подпaska до алмазного короля» [Dominik 1928, Карацупа 2018].

Хотя в романе о мальчишке-газетчике нет элементов фантастики, книга похожа на прочие беллетристические произведения Г. Доминика: в ней много приключений и политики, и, как всегда, существенное место отведено подробным описаниям самых современных технических устройств. По жанру «Джон Воркман» ближе всего к классическому европейскому роману воспитания. Автор пользуется традиционными сюжетными клише: маленький оборванец (не сирота, но отца у него нет, а больная мать не в состоянии заработать на жизнь) борется за существование, вырастет физически, нравственно, интеллектуально, проходит множество испытаний; в середине книги внезапно обнаруживается его «благородное происхождение» (дед-банкир); умирает дядя, оставляя племяннику изрядное наследство, которое тот немедленно пускает в дело.

Действие «Джона Воркмана» происходит в 1910-х гг. В отличие от традиционного романа воспитания, внимание автора сосредоточено не только на судьбе главного героя, но в не меньшей степени на рассказе о современных ему производствах, о достижениях техники (еще раз напомним подзаголовок первого издания: «из истории американской промышленности»). Вымышленный герой работает на реальных американских предприятиях, сотрудничает с реальными, известными всему миру, воротилами американского бизнеса, участвует в реальных исторических событиях.

Роман «Джон Воркман» мог привлечь внимание М. А. Гершензона по двум причинам. Первая причина — огромный интерес к современной, в особенности передовой американской, индустрии в СССР конца 1920-х, о чем свидетельствует количество научно-популярных книг и журналов, издававшихся в стране [Ваганов 2014]. М. А. Гершензон всегда интересовался детской технической литературой: в московском Детгизе он редактировал «Шесть моделей» А. Н. Абрамова (1934), написал документальный очерк о московском часовом заводе [Гершензон 1932в], в его многочисленных «затейных энциклопедиях», например, в «Веселом часе» [Гершензон 1939], можно было найти инструкции по изготовлению пропеллера, ветряной мельницы, бамбукового насоса и пр. В 1934 г. Гершензон принял участие в организованной массовым сектором

Детгиза дискуссии о технической детской книге, и прежде всего вспомнил о «Джоне Воркмане»:

Следовало бы провести параллель между состоянием нашей литературы и американской, наиболее передовой технической литературы для детей. Думаю, что по разделу сюжетной повести мы отстали от Америки: в Америке и частично в Германии этот вид литературы развивается по двум линиям. Первая линия — психологическая повесть, где в центре внимания читателя все время переживания определенно-го героя. Такова повесть «Джон Воркман» Ганса Доминика. Эта книга имеет крупные недостатки, но построена очень интересно... автору удалось показать ряд крупных американских производств. Этот тип книги, при всех его недостатках, мне кажется очень ценным [Абрамов 1935, 52].

Второй причиной интереса Гершензона к роману немецкого писателя была другая профессионально близкая ему тема — классовая борьба на Западе. Вскоре после «Джона Воркмана» у него вышла повесть о забастовке коммунистов во Франции «Да здравствует Лефланшек!» [Гершензон 1929], причем в этой книге о рабочих-сардинщиках были подробно описаны процессы производства консервов, лов и заготовка рыбы. Он перевел «Рассказы американских ребят про город Нью-Йорк» [Ф. Мэттьюз, Коффин 1930] и «Секрет забастовки. Рассказы про американских ребят» [Кэй 1933]; в начале 1930-х гг. один за другим появлялись его антизападные сборники «Конвейер лжи», «В бой!», «Культурные дикари» [Гершензон 1931, 1932а, 1932б].

Для нашего исследования чрезвычайно интересен тот факт, что в 1933 г. роман Г. Доминика «Джон Уоркман» опубликовало и эстонское русскоязычное издательство «Аргонавты» [Доминик 1933]. Перевод выполнил молодой, тогда еще малоизвестный поэт Юрий Иваск (его семья в 1920 г. переехала из России в Эстонию). Книга вышла в серии детской классической литературы «Золотая полка»⁶, которую курировал лектор Юрьевского (Тартуского) университета профессор Борис Правдин. В предисловии издатель аргументировал необходимость публикации романа:

Трудно указать другую книгу, которая в такой же степени отвечала бы запросам современного юношества, как «Джон Уоркман». — «Папа, я хочу стать инженером!» — эту фразу можно теперь услышать чуть ли не от каждого мальчика [Доминик 1935, 5].

Подобной аргументации, наверняка, придерживался и М. А. Гершензон. Однако если у издателя в Тарту, судя по всему, не возникло

идейных претензий к немецкому автору, то для советского переводчика роман представлял серьезную проблему. Заключалась она прежде всего в образе главного героя. Этот американский мальчик не говорил «я хочу стать инженером», он говорил «я хочу стать миллионером». Джон понимал, что ему придется потрудиться, многое узнать, освоить разные профессии — его идеалом был Томас Эдисон, тоже поработавший в детстве газетчиком. Однако руководило героем Г. Доминика именно желание разбогатеть, «обрести могущество», недаром в конце романа он становится золотопромышленником. Юрий Иваск сделал максимально близкий к оригиналу перевод текста⁷, а его издатель дал достаточно точную характеристику заглавного персонажа:

Джон — подлинный «янки». Несмотря на то, что в начале романа ему всего 12 лет, он уже настоящий делец. Но при всей своей чисто американской деловитости, он — прекрасный сын и товарищ. Трудно честному человеку стать миллионером! Джон — честен, но тем не менее, благодаря своим способностям и энергии добивается своего! Ему хорошо известно, что неуч не может стать миллионером, и вот он разезжает по просторам великой заатлантической республики и стремится всюду добыть как можно больше практических знаний... идеал Джона Уоркмана не миллионер-хищник, а миллионер-гений индустрии и друг рабочих, и он осуществляет свой юношеский идеал [Доминик 1933, 5].

Естественно, ни о каком «миллионере — друге рабочих» в советской книжке для детей, даже переводной, речь идти не могла. Влюбленность в материальный успех и голубая мечта прокатиться в собственной роскошной коляске, на автомобиле или резвом заводском скакуне по Пятой авеню, не позволяли советскому писателю сделать Джона Уоркмана образцом для подражания — его образ, как лакмусовая бумажка, выявлял идеологическую враждебность Ганса Доминика и несоответствие его творческого кредо советским представлениям о целях и задачах детской литературы. Центральная коллизия романа — «из газетчиков в миллионеры» — для советского человека была не более чем банальным клише, многократно осмеянным советской же пропагандой. Например, один из руководителей литературной группы «Кузница» Николай Ляшко в статье с характерным названием «Вырождение и возрождение» писал:

Нью-Йоркский, чикагский, берлинский, парижский, лондонский — какой-угодно — мальчишка-газетчик изо дня в день видит на улицах

тысячи колясок, автомобилей, расфранченных людей... Глаза его загораются удивлением, восторгом и завистью. В уличном листке он наталкивается на статейку о том, что и миллионер имя рек, подобно ему, начал карьеру уличным газетчиком. Листок расцветил тернистый путь миллионера, силу его воли, доброту, роскошь, и уличный мальчишка загорается мечтой стать миллионером. От газет он кидается к лотку, копит, заводит лавчонку, затем лавку. Между делом учится, плутует, фиктивно банкротится, выгодно женится... [Ляшко 1921, 27].

Даже в конце 1930-х гг. Ильф и Петров в своей «Одноэтажной Америке» не упустили случая едко осмеять американскую мечту:

Под нашими окнами восемнадцать часов в сутки завывали молодые газетчики. Особенно выделялся один, пронзительный и полнозвучный. С таким голосом пропасть на земле нельзя. Он, несомненно, принадлежал будущему миллионеру. Мы даже высунулись однажды из окна, чтобы увидеть это молодое дарование. Дарование стояло без шапки. На нем были «вечные» парусиновые штаны и кожаная голливудская курточка. Продавая газеты, дарование вопило так, что хотелось умереть, чтобы не слышать этих страшных звуков. Скорее бы он уже заработал свой миллион и успокоился! [Ильф, Петров 2017, 291].

Вероятно, идея взяться за перевод романа с такими «крупными недостатками» не пришла бы писателю в голову, если бы не своеобразное отношение к авторскому праву в советской стране — «...в советской России, не подписавшей международную Бернскую конвенцию по авторскому праву, издание иностранной книги не предполагало выплаты гонорара ее автору, а перевод мог быть сколь угодно сокращенным и адаптированным» [Маликова 2012, 32]. Мысль о принципиальной переделке концепции романа в то время никому не показалась странной и, видимо, была органичной для самого Гершензона, который в том же 1928 г. довольно откровенно высказал свои воззрения на современные переводы для детей в критической статье «О новом издании Жюль Верна»:

Писательская манера Жюль Верна дает возможность, сохраняя строжайший пиетет к автору, непрерывно приближать его произведения к современности. Жанр, в области которого работал Жюль Верн, позволяет своевременно отсекал от его произведений отмирающие части [Гершензон 1928, 126].

Подобную редактуру автор статьи оправдывал не только необходимостью «перевода с языка одной эпохи на язык другой», но и

возможностью «изменить идеологическое воздействие книги на читателя», опустить «моменты, нежелательные в идеологическом отношении» [Гершензон 1928, 127, 128].

Если такой подход казался допустимым в отношении уважаемого классика, то тем более он мог быть применен к «современному Жюль Верну». Можно сказать, что М. А. Гершензон перелицевал текст Г. Доминика наизнанку, последовательно переписав с обратным знаком все сцены, где Джон Воркман поступал честно и благородно. История о превращении газетчика в миллионера одновременно стала историей о превращении мелкого подлеца в крупного подонка. В семейном архиве внука М. А. Гершензона сохранились машинописные воспоминания его друга математика Абрама Мироновича Лопшица⁸. Упоминая о том, что «Миша нашел книжку о мальчишке-газетчике», перевел и переработал ее, Лопшиц пишет, что Максим Горький не одобрил появление советского «Джона Воркмана», так как не считал, что отрицательный персонаж может стать главным героем детской книжки.

Действительно, затея оказалась рискованной. Читателям советского «Джона Воркмана» на протяжении почти трехсот страниц приходилось следить за тем, как центральный персонаж, с одной стороны, проявляет чудеса смекалки и недюжинную энергию, а с другой — совершает целую череду неблагоприятных поступков. Следуя за Джоном, его сверстник в СССР получал возможность узнать, как работает трехцветный типографский пресс, как фотоизображение передается через океан, как устроены авто- и авиазаводы Форда, знаменитые чикагские заводы Армора по переработке мяса... Переводчик не смог и не захотел лишать героя таких качеств, как трудолюбие и любознательность, не отказал ему в пытливом уме и неординарных способностях. К тому же юный герой-путешественник, пересекающий американский континент по железной дороге, скачущий на мустанге, любующийся Ниагарским водопадом, ищущий золото в чилийских горах, не мог не возбудить если не симпатию, то как минимум, интерес русского читателя, в прежние годы зачитывавшегося Майн Ридом и Купером [Арустамова 2009].

Хотя Г. Доминик стремился создать в своем романе подобие социальной утопии, его образ капиталистической Америки все же более неоднозначен, чем у советского интерпретатора книги. Доминик сравнивает нью-йоркских бездомных мальчишек-газетчиков с воробьями, намекая на парижских гаменов, некогда описанных Гюго. Уже в первой главе от нищеты и болезней умирает 6-летний

Чарли — его мечта стать миллионером никогда не осуществится. Джон, решивший воплотить мечту Чарли, узнает об откровенно мошеннических схемах американских нуворишей и решает, что достигнет богатства честным путем. В выигрыше от разработки золотой жилы в Чили он видит «больше моральной чистоты, чем в барышах, загребаемых биржевыми акулами Нью-Йорка и Чикаго» [Доминик 1933, 280]. В книге Гершензона таких полутонов нет: все описанные им события иллюстрируют хищнический оскал капитализма, все поступки главного героя продиктованы жадной наживы и свидетельствуют о его постепенной, но неуклонной моральной деградации. Америка в русскоязычном «Джоне Воркмане» больше похожа на страну «Желтого дьявола», увиденную М. Горьким в 1906 г. [Горький 1985]. Пожалуй, единственное, что аккуратно сохраняет Гершензон в своем пересказе — это пристальный интерес автора (и главного героя) к новым технологиям. Вместе с Г. Домиником он высоко оценивает роль науки в развитии любого общества. Томас Альва Эдисон мог служить примером для подражания не только Джону, но и советским детям — рассказ М. А. Гершензона о маленьком газетчике Але Эдисоне, на досуге собравшем телеграфный аппарат, чтобы узнать о восстании негров в штате Алабама, был помещен в «Мурзилке» [Гершензон 1934]⁹. На тех страницах, где речь шла исключительно о достижениях американской технической мысли, у Гершензона внезапно возникала другая Америка — страна наступившего будущего, «рассадник промышленности». По утверждению И. И. Куриллы, «Такое представление русских об Америке актуализировалось всякий раз, когда Россия делала очередную попытку совершить технологический прорыв. На поддержание образа работало и распространение в СССР автомобилей Форда, и активное участие американских инженеров и мастеров в советской индустриализации конца 1920-х — начала 1930-х гг.» [Курилла 2018, 155]¹⁰.

Подобно детской книге В. Шкловского о современной Америке «Путешествие в страну кино» (1926 г.) «Джон Воркман» в переработке Гершензона играет роль «капсулы времени» [Панкеньер Вельд 2020, 478], предлагая читателю типичную советскую критику американского общества, причем, если Шкловский при этом очарован американским кинематографом, то Гершензон (вместе с Г. Домиником) отдает должное достижениям американской промышленности. На то, что книга Шкловского была важной отправной точкой для Гершензона, намекает глава «Улица в стране кино»¹¹.

Работу советского переводчика по переделке книги невольно облегчил сам автор, придумавший откровенно надуманные сюжетные ходы и сделавший своего героя неправдоподобно удачливым во всех начинаниях. Незамысловатая идеология оригинала легко поддавалась манипуляциям переводчика, продвигавшего другие, но едва ли более замысловатые идеи. Приторно-идеальный Джон под пером советского писателя-пропагандиста легко превратился в свою противоположность. У Г. Доминика никому неизвестный мальчишка-газетчик уже в первых главах сказочно вознагражден за трогательную заботу об умершем от чахотки младшем товарище: сам мистер Беннет, владелец газеты «Нью-Йорк Геральд», приглашает его на аудиенцию и дает пропуск во все машинные отделения своего предприятия. По версии Гершензона, встреча Джона с газетным магнатом происходит в момент первого преступления будущего миллионера: он крадет письмо с протекцией из-под подушки умершего друга и выдает себя за покойного; в дальнейшем kleptomания Джона только разовьется и принесет ему невиданные дивиденды.

Некоторые главы Гершензону не пришлось переписывать, он лишь поменял в них акценты. Например, в шестой главе Джон, получивший свои первые приличные деньги, вкладывает их в покупку дома и мебели для общежития мальчишек-газетчиков, прежде ночевавших на улице. У Г. Доминика этот поступок заслуживает двойного одобрения: Джон таким образом нашел заработок для своей матери и выручил товарищей; по Гершензону, создание общежития стало проявлением собственнических инстинктов подрастающего хищника. В главе о забастовке на холодильном заводе Армора Гершензон до буквы верен оригиналу: ответственный и бдительный работник, Джон вовремя заметил опасность (забастовщики подсыпали в трубы холодильников наждачный порошок), спас оборудование и продукцию. Поменялась лишь «мораль сей басни»: у Г. Доминика Джон честно исполнил свой долг и заслужил благодарность хозяина, у Гершензона — окончательно предал рабочий класс и заслужил всеобщее презрение.

Антагонизм автора и переводчика наиболее ярко сказался в их отношении к нашумевшей книге известного американского писателя-социалиста Эптона Синклера «Джунгли»¹². В ней, в частности, описывались ужасы чикагской мясобоини, где на колбасу якобы шел больной туберкулезом скот. Г. Доминик специально отправил на этот завод своего героя, чтобы он как очевидец смог опровергнуть в своей газетной статье «сильно преувеличенные»

Рис. 2. Иллюстрация к журнальному изданию «Джона Воркмана». Пионер. 1927. № 2

разоблачения Синклера. Книга этого автора, отмеченного вниманием В. И. Ленина [Ленин 1967], была важна и для Гершензона: именно из нее советский «соавтор» Г. Доминика позаимствовал душераздирающие натуралистичные сцены разделки скота (соответствующую главу он так и озаглавил — «Джунгли»). А Джон, собственными глазами лицезревший эти сцены, пошел на сделку с совестью, написав в газету заведомо ложный репортаж.

Роман «Джон Воркман» в четырех частях, переведенный и переработанный М. А. Гершензоном, был напечатан отдельной книжкой в 1928 г. А в 1927 г. журнал «Пионер», выходивший тогда

На куче газет и тряпок лежал Чарли

Рис. 3. Иллюстрация к журнальному изданию «Джона Воркмана». Пионер. 1927. № 12

два раза в месяц, на протяжении одиннадцати номеров (№№ 2–22) публиковал фрагменты этой книги (Рис. 2, 3). В № 1 появился анонс «повести об интереснейших похождениях предприимчивого американца-газетчика», которую, как предрекала редакция, «все ребята будут читать с неослабевающим интересом». Анонс сопровождался фотопортретом главного героя. Это было необычно. Неослабевающему интересу ребят способствовало стильное, в модном жанре фотомонтажа, оформление художника Георгия Берендгофа, выпускника ВХУТЕМАСа, ученика В. А. Фаворского¹³. Повесть об американской жизни претендовала на документализм, и фотоиллюстрации усилили иллюзию документальности (Рис. 4). Если ГИЗ и «Аргонавты» по старинке снабдили свои книги небольшим количеством иллюстраций из немецкого издания, то художник «Пионера» выступил, если так можно выразиться, третьим соавтором «Джона Воркмана». Были найдены фотографии описанных в тексте машинных производств, а в некоторых случаях читатель даже мог сравнить устройство устаревших машин с более современными (например, типографа с линотипом). Если герой присутствовал при тушении пожара в Чикаго, то пожар в Чикаго можно было

Рис. 4. Иллюстрация к журнальному изданию «Джона Воркмана». Пионер. 1927. № 15

увидеть и на фото, словно это был репортаж с места события. Если на страницах повести появлялся легендарный Генри Форд, то публиковался подлинный его фотопортрет, и у читателя создавалась иллюзия, что фотографии Джона, его матери и друзей тоже (как будто) подлинные. В композиции весьма натуралистичной фотографии убогой каморки, на полу которой лежит малыш Чарли, акцент сделан на босых грязных стопах ребенка, не оставляющих сомнений в подлинности трагедии. Авангардное оформление Геннадия Берендгофа сделало публикацию «повести» в «Пионере» остросовременной и в отношении техники исполнения, поскольку в каждом номере он использовал новейшие конструктивистские приемы: фотоколлаж (Джон с газетами под мышкой летит над Бродвеем; Джон у окна, за которым виднеется Вулворт-Билдинг), фрагментация объекта съемки, «склейка» кадров по вертикали, как в киноплёнке [Вальран 2018].

Заключительная глава в оригинале и конец истории Джона Воркмана в «Пионере» выглядят как апофеоз «противостояния» Г. Доминика и М. А. Гершензона. За три года мальчик, превра-

тившийся в юношу, достиг успеха, которого Карнеги и Рокфеллер добились лишь в старости. «Какое счастье давать людям работу и скрашивать им жизнь... Да будет благословенен мой труд!» — так закончил книгу о газетчике, ставшем миллионером, немецкий писатель.

М. А. Гершензона видит эту сцену иначе:

Как-то, проходя по сборочному цеху, Джон поднял глаза... и увидел плакат... человек подтягивет ключом гайку, а от гайки стягивается ошейник на шее рабочего. А под рисунком корявая надпись: «Это Джон Воркман». «Воркман» было зачеркнуто жирным крестом и рядом приписано: «Стренглер» [Доминик 1927, 7].

Так газетчик Джон Рабочий (workman в переводе с английского — «рабочий») под пером М. А. Гершензона переродился в миллионера Джона Душителя (strengler по-английски — «душитель»).

Однако читателю книжной версии советского «Джона Воркмана» предстояло еще осилить последнюю часть романа, в которой Душитель, продолжая оставаться главным действующим лицом и героем новой порции приключений, стремительно приближался к поставленной цели. Если до определенного момента у аудитории Гершензона еще могла теплиться надежда на внезапное перерождение Джона, то в конце 3-й части она окончательно умерла. Чаемое переводчиком «идеологическое воздействие» после такого кульминационного момента начинало ослабевать, ведь в своем падении Джон Душитель уже достиг дна. Зато возрастала амбивалентность чувств юных читателей, которые продолжали вынужденно следить за новыми прожеками своего сверстника-капиталиста, по-прежнему проявляющего отменную хватку и финансовое чутье.

В 1928 г., одновременно с романом «Джон Воркман», в переводе Гершензона вышла повесть американского ковбоя Вилля Джемса «Дымка». В этой книге переводчик не позволил себе такого количества экспериментов. В 1935-м, после появления 4-го издания «Дымки», М. Урнов писал: «Гершензон пытается сгладить шовинизм Джемса и называет презренного вора Дымки не мулатом, а мексиканцем (как будто это исправляет положение...), он вставляет в двух-трех местах фразы о тяжелой жизни ковбоя. Но и это не помогает делу... Попытки переводчика несколько подправить вещь терпят, естественно, крах» [Урнов 1935, 39]. В самом деле, таких радикальных попыток «подправить вещь», какая была предпринята в «Джоне Воркмане», М. А. Гершензон больше не предпринимал.

Примечания

- ¹ Оригинальное название «Власть трех. Роман из 1955 г.» [Dominik 1921]. Этот же роман под названием «Наследие уранидов» печатался в рижской русскоязычной газете «Сегодня вечером» в январе — марте 1928 г.
- ² Грасис Карл Янович (1894–1937, пос. Коммунарка Моск. обл.) — революционер, журналист, критик.
- ³ В оригинале “Im Wunderland der Technik: Meisterstücke und neue Errungenschaften, die unsere Jugend kennen sollte” [Dominik 1922].
- ⁴ В оригинале “Über und unter der Erde” [Dominik 1927].
- ⁵ Курт Матулл (1872 — около 1930) — немецкий писатель, журналист, киносценарист и режиссер немого кино. С 1902 по 1906 гг. работал в США в нью-йоркской газете «Ивнинг пост». С начала 1910-х при его участии вышло 25 фильмов (мелодрамы, криминальные драмы, комедии), у него снималась звезда немого кино Пола Негри.
- ⁶ Заботой о просвещении «русских мальчиков» издательство объясняло публикацию в серии «Золотая полка» и «Джона Уоркмана» Г. Доминика, и «Смелых мореплавателей» Р. Кипплинга.
- ⁷ Сравнивая язык переводов М. А. Гершензона и Ю. Иваска, отметим, что стремившийся к абсолютной точности прибалтийский переводчик не всегда справлялся с подробными техническими описаниями Г. Доминика. В целом на фоне более эмоционального перевода Гершензона, текст Иваска кажется несколько сухим. Например, команду рабочего, обслуживавшего ротационную машину, Иваск совершенно точно перевел: «Наложить валики с краской!», но в оригинале фраза звучала лаконичнее: «Farbwalzen anlegen!», а Гершензон еще более лаконично перевел «Дать краску!». В отличие от Иваска, Гершензон дал свои названия главам (у Г. Доминика озаглавлены только части романа). Он перевел на русский встречающиеся в тексте англоязычные выражения, в отдельных случаях намеренно искажая их смысл; так выражение «all round hand» в отношении высококвалифицированного рабочего, которое Иваск счел необходимым перевести в скобках как «мастер на все руки», у Гершензона превратилось во «вроде прислуги „за все“». Американский мальчишка у него с легкостью называет отца «тяткой». Чтобы не замерзнуть посреди «нью-йоркской суетни», мальчишки «вешают соль» — играют в народную игру, когда двое, прижавшись друг к другу спинами и сцепившись локтями, стараются перетянуть соперника; вероятно, игра с таким названием была известна читателям Гершензона, но в тексте Г. Доминика описание подобной забавы попросту отсутствует.
- ⁸ Лопшиц Абрам Миронович (1897–1984) — советский математик, геометр. Учился в Одессе в одной гимназии с М. А. Гершензоном.
- ⁹ Эдисон внушал восхищение и дореволюционным русским педагогам. Автор учебника 1903 г. по новой истории А. Н. Евсеева отдельный раздел посвятила американцам, а Т. Эдисона назвала «самым заме-

- чательным из всех когда-либо живших американцев» [Курилла 2018, 154–155].
- ¹⁰ В 1935 г. У М. А. Гершензона вышла детская книга «Дедушка Джо» о старом американце, жившем в Советском Союзе. Прототипом дедушки Джо был профсоюзный лидер Большой Билл, он же Уильям Дадли Хейвуд [Щукина 2021, 303]. В 1921–1926 гг. он участвовал в создании и работе автономной индустриальной колонии Кузбас, иногда именовавшейся в прессе просто «Американской колонией». Одним из руководителей этой колонии был рабочий завода Форда в Детройте [Иванян 2001, 10, 227, 556]; [Курилла 2018, 345–353].
- ¹¹ На то, что это кивок в сторону детской книжки Шкловского, вышедшей как раз в момент работы Гершензона над романом Г. Доминика, помимо текстуального совпадения, косвенно указывают и другие факторы. У немецкого писателя, как сказано выше, главы лишь пронумерованы. Заголовки Гершензона неслучайны, это часть его переводческой стратегии, несущая смысловую нагрузку. Глава «Улица в стране кино» не имеет отношения к киноиндустрии, в ней речь идет о психотехнической лаборатории на заводе Форда, где водителей автомашин проверяли на скорость реакции и утомляемость в специальном зале с проекционным аппаратом, моделировавшим на стене различные дорожные ситуации. Придумав такой заголовок, Гершензон, с большой долей вероятности, ссылаясь на книгу Шкловского, герой которого, мальчик Коля, совсем как Джон, хотел «ехать на золотые прииски искать счастья. Потому что газетчиком много не заработаешь» [Шкловский 1926, 8]. Похоже, что Шкловский не оценил этот жест, во всяком случае в 1940 г. во время обсуждения писателями новой повести «Робин Гуд», он заявил, что не читал ее, но «прежде рецензировал работы Гершензона, и всегда с отрицательным результатом» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 8. Ед. хр. 25. Л. 41. См. также: [Щукина 2021, 315]).
- ¹² Синклер Эптон Билл (1878–1968) — американский писатель, журналист, социалистический деятель. «Джунгли» (1906) — разоблачительный социальный роман о судьбе литовских эмигрантов в Америке.
- ¹³ Берендгоф Георгий Сергеевич (1903–1946) — советский художник-график. В 1920–30-е много работал в области журнальной графики, рисовал для журналов «Комсомолия», «Синяя блуза», «Смена», «30 дней». Сотрудничал в издательствах «Земля и фабрика», «Художественная литература», «Советская литература» и др., участвовал во Всесоюзной полиграфической выставке (1927), выставках «Гравюра СССР за 10 лет» (1927), «Русский рисунок за десять лет Октябрьской революции» (1928), «Жизнь и быт детей Советского Союза» (1929), «Искусство книги» в Париже (1931/1932).

*Литература**Источники*

Абрамов 1935 — Абрамов А. Какой была и какой должна быть техническая книга для детей // Детская литература. 1935. № 2. С. 46–53.

Гершензон 1928 — Гершензон М. А. О новых изданиях Жюль Верна // Печать и революция. 1928. № 8. С. 126–131.

Гершензон 1929 — Гершензон М. А. Да здравствует Лефланшек. М.: ОГИЗ, 1929.

Гершензон 1931 — Гершензон М. А. Конвейер лжи. М.: Молодая гвардия, 1931.

Гершензон 1932a — Гершензон М. А. В бой! Стихи и рассказы для детей о безработице в странах капитала. М.: ОГИЗ. Молодая гвардия, 1932.

Гершензон 1932b — Гершензон М. А. Культурные дикари: САСШ. М.: ГАИЗ, 1932.

Гершензон 1932в — Гершензон М. А. Первый часовой. М.: ОГИЗ. Молодая гвардия, 1932.

Гершензон 1934 — Гершензон М. А. Т. А. Эдисон // Мурзилка. 1934. № 12. С. 6–7.

Гершензон 1939 — Гершензон М. А. Веселый час. М.: Детиздат, 1939.

Горький 1985 — Горький М. Город Желтого Дьявола: памфлеты, статьи и письма об Америке. М.: Радуга, 1985.

Грасис 1924 — Грасис К. [Предисловие] // Доминик Г. Лучи смерти: роман 1955 г. Харьков: Космос, 1924. С. I-VI.

Доминик 1924 — Доминик Г. Лучи смерти: роман 1955 г. Харьков: Космос, 1924.

Доминик 1925 — Доминик Г. В волшебном мире техники / пер. с нем. инж. И. Мандельштама. Л.; М.: Гос. изд., 1925.

Доминик 1927 — Доминик Г. Джон Воркман / Перераб. с нем. М. А. Гершензона // Пионер. 1927. № 12–22. С. 2–7; № 13. С. 2–7; № 14. С. 2–7; № 15. С. 2–8; № 16. С. 2–8; № 17. С. 2–7; № 18. С. 2–8; № 19. С. 6–11; № 20. С. 2–8; № 21. С. 2–8; № 22. С. 2–7.

Доминик 1928 — Доминик Г. Джон Воркман / Перераб. с нем. М. А. Гершензона. М. Л.: ГИЗ, 1928.

Доминик 1931 — Доминик Г. Над и под землей. [М.]: Огиз Мол. гвардия, 1931.

Доминик 1933 — Доминик Г. Джон Уоркман. Из газетчиков в миллионеры / пер. Ю. Иваск. Тарту, Valka: Аргонавты, 1933.

Ильф, Петров 2017 — Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка. М.: АСТ, 2017.

Кэй Э. 1933 — Кэй Э., Паркер Дж., Потамкин Г., Голд М. Секрет забастовки. Рассказы про американских ребят / пер. М. Гершензона. М.: Молодая гвардия, 1933.

Ленин — Ленин В. И. Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории. (1915) // Полн. собр. соч. Т. 26. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967. С. 270–271.

Ляшко 1921 — Ляшко Н. Вырождение и возрождение // Кузница. 1921. № 7. С. 27–31.

Мэттьюз 1930 — Мэттьюз Ф., Коффин, Р. Рассказы американских ребят про город Нью-Йорк. М.; Л.: ГИЗ, 1930.

Урнов 1935 — Урнов М. [Рецензия] // Детская литература. Издание критико-библиографического института. 1935. № 2. С. 37–40. Рец. на кн.: Вилль Дж. Дымка. М.: Детгиз, 1934.

Шкловский 1926 — Шкловский В. Путешествие в страну кино. М.; Л.: Земля и фабрика. 1926.

Dominik, Matull 1909 — Dominik H., Matull K. John Workmann, der Zeitungsboy. B. 1: Im Reich des Zeitungsriesen. Berlin: Hugo Steinitz, 1909.

Dominik 1921 — Dominik H. Die Macht der Drei. Ein Roman aus dem Jahre 1955. Berlin: Sherl-Verlag, 1921.

Dominik 1922 — Dominik H. Im Wunderland der Technik: Meisterstücke und neue Errungenschaften, die unsere Jugend kennen sollte. Berlin: Rich, 1922.

Dominik 1925 — Dominik H. John Workman, der Zeitungsboy. Eine Erzählung aus amerikanischen Grossindustrie. Leipzig, 1925.

Dominik 1927 — Dominik H. Über und unter der Erde. Berlin: R. Bong, 1927.

Dominik 1928 — Dominik H. Klaus im Glück: Vom Hirtenjungen zum Diamantenkönig. Leipzig: Koehler & Amelang, 1928.

Исследования

Арустамова 2009 — Арустамова А. А. Америка в детской литературе XIX века в России // Вестник Пермского университета. Российская зарубежная филология. Вып. 4. 2009. С. 76–80.

Ваганов 2014 — Ваганов А. Г. Рождение термина «научно-популярная литература» // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 4. С. 75–89.

Вальран 2018 — Вальран В. Н. Советская фотография, 1917–1955. СПб.: Издательство К. Тубулина, 2018.

Иванян 2001 — Иванян Э. А. Энциклопедия российско-американских отношений. М.: Международные отношения, 2001.

Карацупа 2018 — Карацупа В. Доминик Ганс // Архив фантастики / под ред. Э. Симона. 2018. URL: http://archivsf.narod.ru/1872/hans_dominik/index.htm

Курилла 2018 — Курилла И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. М.: НЛО, 2018.

Панкеньер Вельд 2020 — Панкеньер Вельд С. Остранение в сторону кино // Commentarii litterarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin / отв. ред. М. Л. Лурье. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2020. С. 478–494.

Шукина 2021 — Шукина М. Товарищ Гершензон // Гершензон М. Робин Гуд. М.: Издательский проект «А и Б», 2021. С. 239–321.

Fischer 1984 — Fischer W. B. The Empire strikes out. Kurd Lasswitz, Hans Dominik, and the development of German science. USA: Bowling Green State University Popular Press, 1984.

Hrachowy 2010 — Hrachowy F. O. Der Autor als Agentur der Moderne: Hans Dominik und die Transformation populärer Literatur. München: Akademische Verlagsgemeinschaft, 2010.

References

Arustamova 2009 — Arustamova, A. (2009). Amerika v detskoj literature XIX veka v Rossii. [America in children literature of XIX century in Russia]. Bulletin of Perm University. Russian foreign philology, 4, 76–80.

Fischer 1984 — Fischer, W. (1984). The Empire strikes out. Kurd Lasswitz, Hans Dominik, and the development of German science. USA: Bowling Green State University Popular Press.

Hrachowy 2010 — Hrachowy, F. (2010). Der Autor als Agentur der Moderne: Hans Dominik und die Transformation populärer Literatur. München: Akademische Verlagsgemeinschaft.

Ivanyan 2001 — Ivanyan, E. (2001) Entsiklopediya rossiysko-amerikanskikh otnosheniy. [Encyclopedia of Russian-American Relations]. Moscow: International Relations.

Karatsupa 2018 — Karatsupa, V. (2018) Dominik Gans. In E. Simon (Ed.), Arhiv fantastiki [Science fiction archive]. Retrieved from: http://archivsf.narod.ru/1872/hans_dominik/index.htm

Kurilla 2018 — Kurilla, I. (2018) Zakliatye druzia. Istiria mneniy, fantaziy, kontaktov, vzaimo(ne)ponimaniya Rossii i SSHA. [Sworn friends. The history of opinions, fantasies, contacts, misunderstandings between Russia and the United States]. Moscow: NLR.

Pankenier Veld 2020 — Pankenier Veld, S. (2020) Ostraneniye v storonu kino. [Ostraneniye towards the cinema]. In M. L. Lurie (Ed.), *Commentarii litterarum. Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin, IRLI (Pushkin house) RAS* (pp. 478–494). Saint-Petersburg: Pushkin house.

Shukina 2021 — Shukina, M. (2021) Tovarisch Gershenzon. [Komrad Gershenzon]. In M. Gershenzon Robin Gud [Robin Hood] (pp. 239–321). Moscow: Publishing project “A and B”.

Vaganov 2014 — Vaganov, A. (2014) Rozhdenie termina “nauchno-populapnaya literatura”. [The birth of the term popular science literature]. *Questions of the history of natural science and technology*, 4, 75–89.

Valran 2018 — Valran, V. (2018) *Sovetskaya fotografiya. 1917–1955* [Soviet photography. 1917–1955]. Saint-Petersburg: Publishing house of K. Tubulin.

Marina Shukina

Independent researcher, Moscow

MISTER WORKMAN — FORMER NEWSBOY, MISTER WORKMAN
— MILLIONAIRE

This article discusses the little-known text of M. A. Gershenzon, Soviet children’s writer, translator and editor. In 1927 he translated and revised the novel by German writer H. Dominik “John Workman. From newsboy to millionaire” (1909–1925). The article examines the reasons why it was expected, considering all Gershenzon’s works, that the novel will appeal to him. The author of the article analyzes the goals and results of Gershenzon’s strategy as the translator: in this case it consisted more than in careful editing and serious alteration of the plot of the book written by an ideologically distant author. The analysis involves eleven issues of *Pioneer* magazine (1927), where the translated novel “John Workman” had been published and also accompanied by an avant-garde photographic design by the artist G. Berendhof. The work of M. A. Gershenzon is compared both with the original text by H. Dominik and with the translation by Y. Ivask (“John Workman”, 1933, published by Estonian Russian-language publishing house “Argonauts”).

Keywords: H. Dominik, M. A. Gershenzon, Y. Ivask, V. Shklovsky, translation, technique, engineering, class struggle, propaganda, America, Germany, Estonia, *Pioneer* magazine, constructivism